

В эвакуации в провинциальном Симбирске

(Окончание.
Начало в №№ 2, 3, 4–2014)

По страницам дневника А.В. Жиркевича. 1922 год

1 января. Мы остались буквально без денег и с незначительными запасами еды, которых хватит на одни-двое суток. А дальше что? Голод, если Бог не поможет... Спрашиваю в лавках вчера, сколько стоит 1 ф. хлеба? – 14 тысяч руб. Цветковская Даша пошла было в баню с двумя тысячами рублей. А цены за баню повысили до 6 тысяч руб... Бедная Даша... решила в баню не идти, а купить 1/2 ф. хлеба.

6 января. Вчера добрые Ашмарины сделали нам самый необходимый рождественский подарок – испекли и подарили каравай хлеба фунтов в 6–7. Таким образом, мы будем на Рождество с хлебом, т. е. встретим праздник так, как не могут встретить его миллионы бедняков русского народа.

Читаю переписку А. Толстого – вспоминается мне и моя литературная молодость. Конечно, я как писатель ничего не стою в сравнении с Толстым. Но было же во мне что-то подававшее надежды, если Гончаров, Фет, Полонский, Фофанов, Величко и много других писателей откликнулись братски-сочувственно на мои стихи. Мой литературный архив! Кому сейчас нужно, интересно, поучительно?.. А что-то говорит мне, что меня ещё вспомнят, если эти документы моей жизни сохранятся, – вспомнят хотя бы потому, что любили и уважали меня замечательные люди моего времени...

15 января. ...Ленин, натворивший столько безумных дел, публично признаётся, что с психологией масс трудно, а то и невозможно бороться. По моему мнению, лучше эта покорность воле Божией и шествие навстречу голодной смерти, чем какой-либо голодный бунт, который снова бы обогрил кровью родную землю. В народе, способном на такие покаяния и веру, таятся великие возможности. Вот где узнаю близкую сердцу моему и сердцу художника Нестерова «Святую Русь».

23 января. Ашмарины трёх младших ребят устроили в столовой американцев, устроенной при Чувино.

Я видел прекрасную булку, им выданную. Сегодня им дадут какие-то бобы и ещё что-то. Порции, как я знаю, невелики, но всё свежее, хорошо приготовленное, даром...

27 января. Всё куда-то тянет из Симбирска – какая-то жажда счастья, довольства, свободы...

...Я похож на журавля с подбитыми крыльями, видящего, как другие журавли собираются к отлёту, и сознающего то, что ему, бедняге-калеке, не суждено совершить этот перелёт. Сбывается надо мною евангельское предостережение насчёт сокровищ, прикрепляющих человека к земле, когда человек от них зависит, а не они от него. Душа моя связана с моим архивом, с художественными коллекциями, с остатками исторических документов. Бросить всё это в России на произвол судьбы я не в состоянии, ведь тут зарыто моё прошлое.

30 января. Вчера вечером, когда я сидел с детьми в столовой, собираясь идти читать ребятишкам в школе кожевенного производства сказки Пушкина, со мною случился обморок...

Н.И. Ашмарин, узнав, что я рукописью воспоминаний Ивана Яковлевича дарю сыну его Алексею Ивановичу, пришёл в негодование. Он уверяет, что семья Ивана Яковлевича, главным же образом Алексей Иванович, многое утаят от общества. Его удивляет моё бескорыстие: я мог бы получить за свой труд от чуваш большие деньги и т. д. Тут я, конечно, расхожусь с ним во взглядах на мою работу, которая потеряла бы лично для меня значение, если бы я перевёл её на деньги...

Странное дело: чем меньше остаётся жить, чем слабее силы, тем сильнее обступают тебя мечты о возможности делать что-либо – не для себя, конечно, а для ближних...

2 февраля. Вчера по приглашению милых А.А. Листова и Е.К. Листовой и Катя провели у них вечер. Мне устроили сюрприз. Кто-то подарил Листову сочинения А.П. Чехова, и там оказались три напечатанных письма знаменитого

А.В. Жиркевич

Чехова ко мне по поводу моих произведений. Е.К. прочла их вслух. Я давно не перечитывал писем ко мне настоящих литераторов дней минувших. И мне странно было слышать о себе отзывы такого тонкого знатока художественных произведений, каким был Чехов, признававший во мне талант, и художественную правду, и ещё что-то... Переписка моя с Чеховым, Толстым, Полонским, Фетом, Репиным и другими знаменитостями искусства и литературы переживёт меня... И (кто знает?), быть может, меня ещё вспомнят, вскроют мои дневники, издадут переписку...

6 февраля. С утра отправился к Яковлевым дочитывать воспоминания об Ильминском. Старик меня мне рад: он считает себя автором мемуаров, всем кричит о них и ходит именинником...

Тяжело вообще живётся! Стараешься не заглядывать в будущее. А как в него не заглядывать, когда опять на очереди вопросы, связанные с возможностью выехать в Литву (в Вильню!) с моими коллекциями, архивом.

Я хочу сказать тому, в руки которого могли бы попасть листки моих мемуаров, что я не унываю, не могу пасть духом, т. к. верую в личное бессмертие моего «я», во Христа как в учителя и пример, в существование за гробом моей Каташки, в силу любви к ближним, в необходимость служить им...

Я вспоминаю и о Родине... Могу ли я унывать, когда верую в её возрождение... хотя бы в пророчества Достоевского!! У меня есть Родина. Я могу наслаждаться красотой в чистых её проявлениях. Во мне Христос. Со мной

Каташечка... Я ещё могу бегать по городу, ища случая быть кому-либо полезным...

9 февраля. ...Заходил сегодня к американцам, чтобы передать прошение А.З. Петропавловской о голодовке в их семье. Какие везде чистота, порядок, деловитость! Какие изящные и изящно одетые дамы и девицы... Какая разница с русскими советскими комиссариатами! Точно я попал за границу.

11 февраля. Вчера вечер провёл в Гончаровской библиотеке с прежним приятным впечатлением от обстановки, в которой происходит чтение посетителями книг и газет. Признаться, до сих пор я, уважая и любя Короленко как писателя, мало был знаком с его биографией. Теперь, готовясь, вижу, что у меня с ним много общего как с человеком, деятелем, писателем... Меня, как и Короленко, не увлекали судьбы всего человечества, а я имел всегда в виду отдельные факты, отдельных личностей, с которыми обращаются несправедливо, незаконно... И всюду ожесточённая, донкихотская борьба с бюрократией, начальством, высшим классом за права простого человека, за «униженных и оскорблённых».

15 февраля. ...Все почему-то ждут весны – в ожидании политических новостей. А я её жду как желанного свидания с воскресшей природою и, может быть, как времени, когда начнутся сборы на поездку в Вильну. Нужны деньги для этого. Если бы я реализовал что-либо, продав мои картины! Удивительная наша страна, где нет ни спроса, ни денег на предметы искусства. А вот за дома платят бешеные деньги. Случайно узнал, что Ливчак продала свой дом у Колючего садика какой-то торговке-спекулянтке за 75 миллионов...

17 февраля. Жизнь в России становится прямо невозможной. Вчера 1 пуд ржаной муки стоил 2 1/2 миллиона, 1 фунт хлеба – 47 тыс. руб... Главное, никто не понимает, почему вдруг, как по команде, всё на базаре подскакивает в цене на десятки, сотни тысяч рублей. В то же время в учреждениях идёт сокращение штатов: на улицу выбрасываются тысячи служащих. А у них за спиной семьи... Но часть населения плывёт в довольстве и роскоши, пользуясь какими-то миллионами и миллиардами, происхождение которых – в мошеннических, ловких спекуляциях...

19 февраля. Американцы обещали с 1 февраля давать ежедневно одной Симбирской губернии тысячу пудов ржи. Но о таком благодеении жители только мечтают. А пока... Пока меня неудержимо тянет бежать из русского «чистилища» за границу, увлекая за собой и детей, – не умирать же нам в Симбирске от голода и холода. Но как это устроится, одному Богу известно. Бедная Тamarочка, чтобы ободрить себя, что-то напевает. Но я знаю, что дрожит и она от холода, как и я, что ей не весело. И Кате, взявшейся у печки с сырыми дровами (сухие стоят всего 1/2 миллиона за возок!), живётся плохо... Бедняжки! Слушая их болтовню, думаешь, что хорошо, что Мамочка умерла. А то и она бы голодала, мёрзла, испытывала и другие лишения...

Дочь
А.В. Жиркевича
Тамара

23 февраля. Устав от работы, желая получить от Яковлева бумагу для её продолжения, около 6 вечера отправился в «Чувашию». В прихожей наткнулась на Ольгу Петровну, которая, говоря со мной по-французски, сообщает, что у них повальный обыск: ищут рожь, водку и ещё что-то. Вижу, что в комнатах много субъектов в серых одеяниях – видимо, производящих обыск, и благополучно ретируюсь из квартиры Яковлевых незамеченный... Старому народному деятелю разными способами, допросами (несомненно, по доносам тех самых чувашей, для которых он столько сделал) не дают ни жить спокойно, ни умереть...

3 марта. Тянет весной, а на душе не по-весеннему: и дома, и вне дома ужас и тоска... Катя ходит в какую-то детскую санаторию, где проводит целые дни... Остаётся быть наблюдателем детских страданий, при сознании своей полной беспомощности, никчёмности.

Тамарочка выбивается из сил, гоняся за образованием, а дома стряпает, таскает воду, дрова, выносит помои. Я – без места. Дома у нас жалкие остатки денег и муки.

4 марта. У меня неожиданно прорвались оба валенка. Их починка стоила бы сейчас 30-40-50 тыс. руб... Захожу к моему приятелю слепцу Соколову. Застаю его три дня буквально ничего не евшего, в роковом раздумье, не съест ли ему любимого кота... В разговоре упоминаю о валенках. Недолго рассуждая, он снимает их с меня и в 1/2 часа чинит, заявляя, что не возьмёт с меня за работу ничего, зная, что я сам бедняк. Вот это и есть настоящая христианская милость: не от избытка и пресыщения, а от бедности и доброты сердечной! Зато я хочу попробовать устроить Соколова в Московское убежище для слепых через доктора Жбанкова...

5 марта. А я всё борюсь с Богом, всё не могу Ему поклониться, всё что-то о себе воображаю... Кругом всё гибнет, но мне по временам кажется, что для меня Провидением будет сделано исключение...

8 марта. Сегодня завернул груды листов моего дневника в бумагу, перевязал верёвкой и, написав «Дневники 1921–22 гг.», сдал его в мой архив, точно делаю нечто серьёзное, а не курьёзное... Новая грудка чистых пока листов вложена в папку с уверенностью, что будет заполнена моими каракулями... Какая самоуверенность!.. Или лучше сказать, какое легкомыслие старости, о чём-то ещё мечтающее у гроба!..

А ветер бушует за окнами, а бедные мои девочки, измученные за день трудом, спят сладко. Я всё взял у жизни, что только можно было взять... А что будут вспоминать они на старости...

...А.И. Яковлев поднёс мне записку – о выдаче мне пары американских ботинок со склада, помещающегося в здании бывшего казначейства. С запиской я отправился в склад, где лежат груды обуви, чулок и ещё чего-то. Мне выдали не только пару ботинок, но и носки к ним, а когда я попросил дать мне чулки для дочери, то выдали ещё пару женских чулок... Ботинки мне немного малы. Но их можно продать на базаре и купить обувь Тамарочке.

10 марта. Зять Губаревичей вернулся из поездки в Казань и Москву. Он был в районе того места, где какие-то мерзавцы-мародёры устроили

крушение двух поездов, в том числе и американского с припасами, чтобы разграбить. Массы убитых, искалеченных... В деревни назначены карательные отряды. Типичная картина современных нравов... Но что думают о нас американцы?

21 марта. В 9 часов утра, идя в Чувино, на углу Лисиной ул. и Анненского переулка видел груды тряпья, под которой, очевидно, лежал человек... Я взял его за ногу: она замёрзла так, что уже не сгибалась... смерть налицо... Быть может, мужичок пришёл из голодной деревни в город, надеясь на помощь, и погиб на глазах у всех. Тяжёлая картина. Тяжело на сердце. Но что же мне было делать, что делать? Ветер разбрасывал длинные пряди каштановых волос по лбу. По городу только и слышишь о таких мертвецах. И все рассказывают о них равнодушно, точно о чём-то незаслуживающем внимания...

31 марта. ...Я всё мечтал съездить в Вильну, чтобы устроить имущественные дела детей и в последний раз поклониться её святыням. Но, видимо, мне не суждено увидеть эту обетованную землю...

5 апреля. Жду с нетерпением, что меня отставят от музея: сам я не могу решиться порвать связь с моим детищем, но буду рад толчку извне.

7 апреля. Вчера выпал первый весенний дождик. Не только ручьи, но и потоки бегут к Волге и Свияге. Кое-где обнажилась мостовая. А на душе, так ждавшей весны, нет весеннего настроения: дети несколько дней подряд сидят без хлеба...

9 апреля. Как и надо было ожидать, меня выгнали из основанного мною музея в Чувино благодарные современные чувашские деятели. Прихожу вчера для работы с Яковлевым над его мемуарами, захожу в канцелярию, и мне, под расписку, подносится на бумаге отставка...

10 апреля. К Пасхе ожидается вскрытие Волги... Весна! Весна! С нею какие-то нелепые надежды на счастье. Дети мечтают на Пасху быть сытыми... Жаль мне их, когда слышу их рассказы о том, как в прежние времена, в эпоху их детства и юности, у нас дома к Пасхе готовились вкусные печенья, торты, куличи... У нас были средства, при которых можно было жить безбедно,

помогая другим. Сколько тючков с пасхальной провизией разносилось мной по городу беднякам от имени моей Каташи! Сколько бедняков кормилось у нашего пасхального стола! И всё это прошло как видение...

12 апреля. ...О нас хлопочет молодой Гаевский, заявивший американцам о нашей крайней нужде. Оля Жиркевич должна к празднику получить паёк. Тамарочка снесла в магазин случайных вещей последнюю роскошь – браслет из серебряных монет. Главное, я и мои дети сравнительно бодро переносим несчастья. Мы не утратили способности забываться над хорошей книгой, в созерцании красот природы, произведений искусства.

13 апреля. Вчера вечером проверял воспоминания И.Я. Яковлева. Старик ждёт моих визитов как праздника, старается угостить меня. А это раздражает дам – жену его и жену сына, не понимающих того, что семья Яковлевых мне бесконечно обязана тем, что я составлял мемуары старику, сделал огромный труд, который со временем будет служить источником славы яковлевской семьи. Кормёшкой меня (иногда тайком от членов своей семьи) Иван Яковлевич как бы уплачивает часть гонорара. Но избавиться от гостеприимства упрямого, доброго, признательного старика я никак не могу. А иногда, признаться, я прихожу в дом его голодный, поэтому глупо отказываться от куска хлеба...

15-16 апреля. 4 часа ночи. Дети ушли на так называемое «Погребение Христа» в Троицкую церковь, с колокольни которой доносится сейчас до меня редкий печальный звон... А я опять одинок, сижу дома, чтобы стеречь квартиру... Но одинок ли я, старый язычник и грешник? Нет, нет!! Со мной Христос и Каташечка...

18 апреля. Катя даёт уроки у евреев Лерманов, занимающихся спекуляцией. Хищные птицы эти собираются совершить перелёт в Москву. Миллионам у них нет счёта. Недавно «глава семьи» привёз домой ни больше ни меньше как 32 миллиона барышей, долю из какого-то коммерческого предприятия. Под Москвой нанята чудная дача со всеми удобствами, за которую за лето надо заплатить 250 миллионов. Они перед Катей хвастались своим благополучием, миллионами и миллиардами... Таких, как они, теперь на Руси расплодилось немало...

23 апреля. В Симбирске начались изъятия из храмов церковных ценностей. Явились в церковь женского монастыря и всю её ограбили, оставив одну чашу. За отобранными вещами завтра приезжает подвода, и затем увезут из Симбирска. Куда? Зачем? Совершается нечто открыто наглое. Судя по московским газетам, драгоценности должны пойти на борьбу с голодом в нашем Поволжье. А их, вместо того чтобы продать всенародно, тут же, в Поволжье, увозят из Поволжья... Конечно, у всех крепнет убеждение, что всё это пойдёт не на голодающих, увезётся за границу, пойдёт на содержание и пайки комиссарам.

24 апреля. ...Вчера у Гаевских рассказывали мне не случай, а факт. Одну ночь к ним, в кухню, napросился ночевать какой-то не старый голодающий. Так как в кухне не готовят и в ней нет вещей, то несчастного, накормив, впустили, и он переночевал, забравшись на печку. Третьего дня он появился вновь, но его почему-то не впустили. Тогда он забрался в пустую квартиру жильцов 2-го этажа, где утром нашли его мёртвым, причём около него лежал кусок хлеба, который он уже по слабости съесть не смог... Сообщили в милицию – насчёт уборки трупа... Оттуда ответили, что это не дело милиции. После переговоров там посоветовали выбросить труп на улицу... Наконец, разыскали так называемый «трупный отряд», который к вечеру забрал покойника. Приехавшие из отряда сообщили, что в тот день в городе ими подобрано 180 трупов, что каждый день находят приблизительно столько же.

28 апреля. Только тот, кто не любит по-настоящему своей России, кто не желает счастья её народу, может желать провала русской делегации на Генуэзской конференции. Какая бы власть ни существовала сейчас в России, всё же это власть, говорящая от имени России. Могу ли не радоваться, когда эта власть говорит о «мире всего мира» и поднимает вопрос о всеобщем разоружении. Не могу согласиться с теми, кто бранит, презирает Красную армию только потому, что это армия – советская. Ведь всё же это русская армия, состоящая из сынов России.

8 мая. Умер приятель И.Я. Яковлева 84-летний старец доктор Покровский... Его, народника, врача, как и всех, разорили, ограбили, тревожили, унижали. Недавно он получил права

на отобранные у него дома, перебрался к бывшей своей прислуге и отдал ей дома под условием, что она будет его хорошо кормить до смерти. Эта дрянь, вида, что старик не умирает, без церемоний выгнала его на улицу, грязного, оборванного, заеденного паразитами, оставшегося без куска хлеба. Он явился в Александровскую больницу, где знавшие его врачи, вопреки запрещению принимать хронических больных, приняли его. Он там и умер после трёх дней агонии...

12 мая. Мне предлагают содействие – в смысле получения должности следователя военно-революционного трибунала с жалованием 50 миллионов рублей и хорошим пайком. Обязанности, в смысле канцелярщины, труда, довольно лёгкие... Несомненно, на таких следователей возложена обязанность прежней прокурорской власти. ...теперь всё «правосудие» ещё более затемнилось, запуталось, стало ещё более политическим, т. е. односторонне-пристрастным... И я бы продал бы свою душу за миллионы советских бумажек?! Нет, Нет! Лучше умереть с голода! Подальше от современного правосудия!

14 мая. ...Судят патриарха Тихона, духовенство, возятся с Генуэзской конференцией, устраивают пиры во время первомайских торжеств и ничего не делают в борьбе с таким народным бедствием, как голод!..

15 мая. Вчера я побывал в раю, конечно, в раю земном. Мне удалось с А.А. Листовым выбраться, наконец, в Карамзинскую колонию душевнобольных... Копосовы встретили нас радушно, угостили обедом, чаем, молоком. Старик, видимо, угасает: ноги его всё более и более пухнут, хотя, ради нашего приезда, он встал с постели и даже водил нас по колонии. Я, Листов, жена Копосова Зоя Михайловна пошли потом погулять в лес, благоухающий ландышами, черёмухой, цветами... С горы над колонией открываются дивные виды – на разлив Волги, дали, мellowые горы, напоминающие снеговые вершины. Зелень. Голубое небо с бегущими под солнцем лёгкими облаками. Синяя гладь воды...

Зоя Михайловна возится с молодёжью, детьми колонии... Этой зимой под её руководством на сцене колонии были представлены «Царь Иудейский» К.Р., «Борис Годунов» Пушкина, «Недоросль» Фонвизина и чуть ли не трилогия гр. А. Толстого. Были налажены

декорации, обстановка сцены, часть же костюмов за деньги она достала из Симбирского городского театра... Слушаешь, и просто не верится, что под Симбирском существует культурный уголок...

9 июня. Неудивительно, что иностранцы, соприкоснувшись с русским обществом, особенно с тем обществом, обломки которого спаслись от разгрома после падения монархии, смотрят на нас свысока... Очевидцы мне рассказывают о том, что видели m-lle Карпову в мертвецки пьяном виде на автомобиле, возвращающейся домой от Фокса, у которого она была в гостях. Этот Фокс неоднократно высказывался, что «русскую женщину можно купить за пуд муки». И действительно, множество дам и девиц местного общества наперебой спешат предложить услуги Фоксу и др. американцам в чайнии получить от них продукты из американского склада. У Фокса образовался своеобразный гарем из представительниц симбирского общества. Воображаю, что этот мерзавец думает, говорит, пишет о русском обществе за границу!..

13 июня. Благодетельствуют нас, голодающих, американцы, как пауки, раскинувшие по всей России паутину своих столовых для бедствующих. Теперь появились на сцене датчане. Эти якобы хотят бороться с эпидемиями, царствующими в России. Придут ещё и ещё иноземцы... У наших соседей, конечно, свои скрытые цели, ничего общего с Евангелием не имеющие. Россию и её природные богатства, в интересах всего остального человечества, надо использовать, эксплуатировать. Для этого необходимо ослабить её до невозможности сопротивления, протеста, чтобы затем удобно, спокойно высасывать после войны, революции, анархии...

25 июня. Приезжие из Москвы из достоверных источников передают, что Ленин окончательно сошёл с ума, что над патриархом Тихоном глумятся, уплотнив то помещение, где он живёт, девятью проститутками и представителями губчека. Всё это устраивает оргии, отравляя старику жизнь, мешая ему спокойно умереть.

30 июня. Вчера с А.А. Листовым я совершил ещё одну прекрасную экскурсию в Карамзинскую колонию душевнобольных. Идя в колонию нижней дорогой, видели, как мужики и бабы, в воде выше колен, вытаскивали

из озёр, образовавшихся от разлива, корни одного болотного растения, собирают их в мешки. Труд каторжный. Корни сушатся на солнце, на крышах, перемальваются, толкутся в муку, а из муки печётся хлеб, и вкусный, и съедобный... Питание корнями, вытаскиваемыми со дна озёр, во многих местах Симбирской губернии распространено давно, с самого начала голода, особенно в Сенгилеевском уезде...

2 июля. ...По слухам, Англия требует уплатить Е.М. Перси-Френч стоимость всего у неё захваченного в России, как у английской подданной. Представленной ею к советской России иск прямо колоссален.

6 июля. Решив покинуть Симбирск, я уже жалею этот город, где столько выстрадано... Чем виноват Симбирск в том зле, которое причинено было мне и моей семье? И всё же, даже в Симбирске, были дни, минуты счастья, за которые я ему буду вечно благодарен. А видны на окрестности?! А Волга?! А прогулки к Копосовым в Карамзинскую колонию душевно-больных?! А мои труды на благо страждущих и обременённых?.. А мои добрые знакомые, помогавшие мне в трудные минуты жизни?! Наконец, Катюшина могилка...

13 июля. ...Вопрос о выезде меня, Кати и Тамары идёт через Москву, через польское посольство. В двух местах, в Москве, могут устроить мне провал. Значит надо опять найти протекцию. А болезнь всё не проходит. Вчера у меня было около 39 градусов, при страшной головной боли, сонливости, ломоте в суставах. И, тем не менее, пришлось бегать, хлопотать, спорить, доказывать...

18 июля. Приезд Мани внёс столько счастья в мою жизнь, что я боюсь много радоваться, по жизненному опыту зная, что за минутами счастья непременно следуют дни горя. В честь её приезда мы устроили вчера пир – купили малины, поставили самовар...

20 июля. Маня привезла мне поклон и благословение от патриарха Тихона, у которого была в прошлом году осенью. Тихон принял её сердечно, так же просто, как принимал он всех в Вильне, называл меня по имени-отчеству, расспрашивал о том, как мне живётся, говорил, что ещё накануне с кем-то, вспоминая своих добрых знакомых по Вильне, помянул и меня как хорошего человека, русского деятеля и близкого

его знакомого. Узнав о смерти Мамочки нашей, помолился за неё, перекрестился и отозвался тепло об усопшей, пеняя на меня за то, что я ему не пишу, собираясь сам писать мне...

21 июля. О моих сокровищах, о моём отъезде за границу говорят и сплетничают... Точно мой отъезд – факт, находящийся вне сомнений, а не задача со многими неизвестными...

2 августа. ...Губком подарил мне 5 пудов муки при любезном письме его председателя, в котором мне сообщалось, что эта мука – «премия» за охрану мною бесценных историко-архивных сокровищ. Не желая остаться в долгу и воображая, что имею дело с культурными людьми, которым в голову не придёт разбрасывать по частям мои коллекции, я написал в Губком, что, в благодарность за подарок, дарю ему то-то и то-то... Вчера вызывают меня телефонограммой в Губком... Иду. В ожидании заседания, приглядываюсь к личностям, завожу беседу. Большинство – народ совершенно необразованный, с искусством и наукой ничего общего не имеющий, но, тем не менее, самодовольно мнящий, что «пролетариату всё доступно»... О, ужас! Мне объявляют, что симбирские пролетарии намерены создать при Дворце культуры свой художественный музей, сдать туда мои пожертвования, а пока что хранить его у себя в Губкоме... Что я сделал моим заявлением?! Начинаю «бить отбой»... Не тут-то было... Иду сегодня в Губисполком, к художнику Остроградскому – умолять приобщить и остатки моих коллекций к тому, что я уже отдал...

18 сентября. Сегодня придут принимать от меня картины. Надеюсь выдержать мужественно это испытание.

Художник-фотограф П.А. Владимиров подарил мне свою фотографическую карточку с такой надписью: «Последнему из Симбирских Могилок – Поклоннику и Хранителю чистого искусства»...

Как не обожать искусства, когда оно может одухотворять камень, холст, бумагу, воплощая, так сказать, в художественно-поэтических образах главные моменты человеческого существования, страданий, радостей и смерти... Архангельский меня понимает. В истории с моими коллекциями он знает, как презираю я деньги, как высоко ставлю искусство... За это я его всё более и более люблю...

В 12 часов явились для приёма картин Гречкин, Остроградский, Архангельский и ещё кто-то из состоящих при музее. Во главе комиссии поставлен Гречкин. Он настоял на том, чтобы всё сдавалось по описи. И вот пять часов подряд я прощался с моими картинами. Картин оказалось больше, чем по описи. Я не занёс многого. Кроме того, я подарил Губюсту (т. е. России и русскому народу) на огромную сумму денег, не считая художественной стоимости предметов. Недаром даже Гречкин прослезился и, умилившись, развёл руками, сказал мне: «Да вы им подарили ещё на миллиарда два». Не буду описывать этой сдачи – слишком тяжело!

В 3 часа дня на автомобиле увезли мои коллекции. Я вышел взглянуть, как тронется автомобиль. Прошу шофёра везти не скоро, чтобы не встряхивать ящики, где есть стекло. А с автомобиля, точно с упрёком, смотрел на меня портрет П.В. Кукольника в рамке за стеклом: «Зачем и меня выгнал из семьи! Ведь я вам не чужой!». Кричу Архангельскому: «Смотрите! Дед упрекает!». А самому не до смеха...

20 сентября. Сегодня ночью мне представились мои картины в зале музея бывшего дома Перси-Френч. Как для души, покинувшей тело, начинается новая жизнь, так она начинается и для моих картин. До сих пор они были скрыты для общества. Теперь всё это становится общенародным достоянием, делается общедоступным. Отсюда воспитательное, общеобразовательное значение моих сокровищ...

4 октября. ...Я не раскаиваюсь в том, что решил остаться в России и в случае моей смерти завещать мой архив (мои бумаги, альбомы, переписку) России... Оставь я их в Симбирске кому-нибудь на хранение, они погибнут. Пусть дети, прочтя, быть может, впоследствии эти строки, не осудят меня за то, что я ещё раз, не считаясь с интересами моими и их, жертвую на благо Родины, как делал, голодая с покойной Катей, но не желал продавать моих коллекций в частные руки, спасал их от варваров XX века.

7 октября. Три художника – Остроградский, Добрынин и Остоя-Овсяный (которого я до сих пор не знал) начали писать с меня портреты в помещении художественного музея. Странное совпадение: когда-то Репин писал с меня портреты, то было в моей молодости. Теперь на старости пишут с меня его ученики...

По городу расклеены огромные афиши. Какой-то «известный» лектор Покровский делает турне по Приволжью и прочтёт сегодня лекцию во Дворце культуры на тему «Ленин – Христос – Шалапин». Уже сопоставление этих трёх величин указывает на то, что из себя представляет лектор...

3 ноября. ...Каждый раз, когда теперь вхожу в художественный музей, то испытываю два совершенно противоположных чувства. Благодарности к тем, кто во главе с А.Н. Остроградским работает над обрамлением... моих картин, и предчувствия, что мои коллекции портятся от неумелого к ним обращения. Так, на «Александре Невском» Боровиковского появились царапины... Редкие акварели Грязнова точно нарочно выставлены так, что их лижет солнце. Там дыра, тут царапина, тут непонимание того, как надо развешивать картины, чтобы предохранить их от света, влияния печей и т. д... Нельзя молчать, когда видишь, что то, что было дорого тебе, находится под явной опасностью. А какое я право имею заявлять, протестовать и требовать?...

7 ноября. Сегодня открываемая выставка моих картин совпадает случайно с той эпохой моей жизни, когда я начал собирать картины, старинные книги, обломки старины и т. п. Да! 40 лет тому назад я начал коллекционировать. Я вправе считать себя сегодня юбиларом. Мой юбилей и выставка моих картин совпали с 5-й годовщиной Октябрьской революции.

Послесловие. На этом мы прервём повествование Александра Владимировича о десятилетней жизни в Симбирске... Оформление документов, хлопоты в Литовском и Польском представительствах в Москве, ожидание разрешения на выезд затянулись до поздней осени. Той же осенью пришёл отказ Польши на въезд Жиркевича с семьёй в Вильну... Долгих ещё три года мой дед вынужден будет владеть жалкое существование на должности архивариуса местного губфинотдела. Дочери разъехались учиться в другие города. Его коллекции – «сокровища моей души» – больше ему не принадлежали. Одиночество старого человека скрашивал лишь его верный и неизменный друг – дневник...

Выехать же в Вильну ему удалось лишь в 1926 году.

Публикацию подготовила
Наталья Жиркевич-Подлесских